

— Юрий Маркович, вы автор пятидесяти книг, («Московская книга», вышедшая в «Московском рабочем», — одна из последних) и более сорока сценариев («Загадка Кальмана» сейчас идет на столичных экранах). Не вступают ли музы литературы и кино в противоречие?

— По образованию (правда, незаконченному) я сценарист, по призванию — рассказчик. Рассказ и сценарий находятся, на мой взгляд, в близком родстве. Работу в кино я и начал с экранизации своих рассказов. И сейчас порой происходит «переливание крови» — новелла становится сценарием, а он оборачивается повестью. Пример — «Кальман».

— Большой резонанс вызвал ваш рассказ «Терпение», опубликованный ныне во многих странах — Венгрии, Болгарии, Италии, Норвегии, США. По нему сделаны фильм и пьеса, идущая в Черновцах. А что для вас значит рассказ, его герой? Что пишете вам об этом произведении читатели?

— С тех пор, как я пришел с войны, судьбы фронтовиков не дают мне покоя. Один из первых моих рассказов, «Деляги», был о том, как старший сержант Степан и солдат Егор после госпиталя ищут свою судьбу и работу. Кончилась война, надо строить, они решили пойти по пустым деревням, чтобы отремонтировать разрушенные избы. Егор находит работу у вдовы-скотницы, Степан — на маленькой фабрике. Бывшие солдаты работают на совесть, однако заплатить им могут только жильем, скудной кормежкой. Подзаботиться не удалось, но они счастливы — делают нужное, доброе дело. С того давнего рас-

сказа судьба фронтовика стала одной из главных тем в моей литературной работе.

Павел из «Терпения» дорог мне больше всех героев. Этот человек сохранил гордость и достоинство за пределами человеческого терпения.

После публикации рассказа два месяца я ничего не писал, только отвечал на письма. Среди них были потрясающие человеческие документы. Одна женщина из Мурманска написала, что все эти долгие годы она чувствует, что ее муж жив, хотя он пропал без вести еще в начале войны. Рассказ пробудил в ней странную надежду. Она возобновила поиски. «Может быть», — написала она, — его постигла судьба Павла?».

Война отгремела давно, но эхо ее не смолкает. И никогда не смолкнет.

— Вы много пишете о далеком прошлом России, к разговору об этом мы подойдем, но представляется, что сильнее всего вас волнуют судьбы ваших современников.

— Несомненно. Моя последняя работа — сценарий «День рождения» — о бывших ребятах с Чистых прудов. Писал я его вместе с Ниной Соротикиной. Здесь использована ситуация из моего рассказа «Школьный альбом». Состарившиеся мальчишки и девчонки празднуют на даче свой общий день рождения. И по ходу дела оказывается, что эта встреча — не поминки по ушедшей молодости, а мощный стимул к дальнейшей жизни, источник радости и надежды, суровая самопроверка. История эта вымышленная, но почва ее реальная.

В 1938 году я закончил школу № 311, что на Чистых прудах.

встреча

РАССКАЗЧИК ПО ПРИЗВАНИЮ

НАШ СОБЕСЕДНИК — ПИСАТЕЛЬ ЮРИЙ НАГИБИН

До сих пор мы все, выпускники двух классов, встречаемся каждый год весной или в начале лета. Мы радостно готовимся к этому дню, а потом долго живем им. Мы вспоминаем о наших не вернувшихся с войны товарищах, среди них чудесная Женя Руднева, удостоенная посмертно звания Героя Советского Союза. Вспоминаем и тех, кого не стало в естественном движении времени. Говорим, читаем стихи, поем и даже до сих пор танцуем. Но все это не главное. Самое важное в наших встречах — атмосфера дружбы, прошедшей через всю жизнь. Друг с другом мы вновь становимся молодыми — и это прекрасно.

— Сейчас вы пишете о России времен Анны Иоанновны...

— При дворе царицы пили квас. Подавали его обычно шуты. Одного из них так и прозвали — Квасник. (Повесть так и называется). Был же это не кто иной, как князь Голицын. А попал в такую немилость за то, что принял католичество и женился на итальянке. Шутиху, которая помогла ему разнести квас, Анна Иоанновна тоже одарила прозвищем — Буженинова, в знак своего пристрастия к этой пище.

Квасник и Буженинова — это герои небезызвестного «Ледяного дома» Лажечникова. Вопреки общераспространенному мнению, они вовсе не замерзли в ледяных стенах, куда их поместили после свадьбы. Напомню эту историю. Кабинет-министр Волюнский придумал для больной и скукающей императрицы Анны великую потеху: шествие по столице представителей всех народностей, населяющих Россию. «Гвоздем» праздника была свадьба Квасника и Бужениновой. Жалкое зрелище представляла эта пара — сгорбленный, понурый, с потухшими глазами жених и коротышка-невеста. Со стихотворным приветствием выступил поэт Тредиаковский; накануне ему здорово досталось от Волюнского. Тредиаковский хотел уклониться от позорного поручения: воспеть свадьбу шутов. Еле шевеля разбитыми губами, он начал читать: «Здравствуй, женившись, дурак и дурка!». Стихи из-под пальки были ужасны.

Но вот в ледяном доме молодые остались одни. И свершилось большое человеческое чудо. Буженинова не дала замерзнуть полуживому от вина, срама, унижения мужу. Всю

ночь она отогревала его, и несчастному человеку словно передалась жизненная сила маленькой женщины. Звали ее Авдотья, родом она была с Камчатки, имела сильный и нежный характер. Она призналась мужу, что давно и серьезно любит его и страстно верит в его человеческое возрождение. Шаг за шагом, день за днем боролась она за его душевное опаматование, будила в нем гордость, волю к жизни. И наступил счастливый час, когда маленькая любящая Авдотья одержала победу в своей отчаянной борьбе за любимого.

— А как вы собирали материал?

— По крохам из архивов и мемуаров, из писем и старинных журналов. Перед глазами стояла картина академика Якоби «Шуты Анны Иоанновны». Играют в чехарду. Пожилой Голицын подставил спину, через него только что перескочил и распластался на полу его зять Апраксин; шут из знатного рода Волконских находится у него на спине, а сзади насаждает знаменитый Балакирев. Играет на скрипке Петрилло — шут из итальянцев, яркая и даже зловещая фигура. А вни-

зу копошится «король самоедский» д'Акоста...

— Это не первое ваше обращение к исторической теме. Вы писали о другом Голицыне — капельмейстере, о Тютчеве, о Тредиаковском...

— Меня давно интересует личность митрополита Филиппа, отказавшегося благословить опричнину и поход Ивана Грозного на Новгород. Малюта Скуратов от имени царя приехал к нему, уже разжалованному, в заштатную обитель с уговорами. «На доброе — благословлю, — отвечал бывший митрополит. — А на злое дело — не ждите». Многоопытный Малюта понял, что бесполезно склонять этого человека к предательству. Расправа оказалась скорой...

— Где мы сможем прочесть эти повести?

— О Филиппе — в «Дружбе народов», «Квасником» заинтересовался журнал «Наш современник».

Беседу вел
Л. СТОРОЖАКОВА.